

К Р О К О Д И Л

СОГЛАШЕНИЕ
 между Правительствами
 Союза Советских Социал.
 Республик и
 Соединенных
 Штатов
 Амер.

ДОГОВОР
 между Союзом Советских
 Социалистических Республик
 и Соединенным Королевством
 в Великобритании о Союзе
 в войне против гитлеров-
 ской Германии и ее
 сообщников
 в Европ.

Рис. К. Елисеева

БЫТЬ по осмы!

БИТЬ по осмы!

— Что ж поделывать, господа, придется мне скоро врать на два фронта.

История одной части ✓

Рассказ в трех частях

1

— Эх вы, молокососы! Да вы и понятия еще не имеете, что такое война в России!

Это сказал Вилли Швайнер. День склонялся к закату. От сосен легли на землю широкие тени. Где-то совсем близко за лесом ухали русские пушки.

— Да,— продолжал Вилли Швайнер,— вы еще, ребята, настоящего пороха и не нюхали.

— О! — подтвердил Рудольф Вайнер.

— М-м! — скрепил Генрих Айнер.

Молодые солдаты, прибывшие недавно из Германии, окружили «старика» Швайнера. Тот неспеша вынул сигаретку, закурил, потом снисходительно оглядел свою аудиторию и сказал:

— Так вот... Слушайте внимательно. Вам это будет полезно.

— О! — подтвердил Рудольф Вайнер.

— М-м! — скрепил Генрих Айнер.

— Не мешайте,— попросил их Вилли Швайнер.— Так вот... Я вам расскажу историю нашей части. Всего-то нас в батальоне из старых солдат осталось трое: я, Рудольф Вайнер и Генрих Айнер. Все остальные списаны в расход: кто убит, кто ранен, кто замерз, кто с ума сошел, кто в плен попал. Нас трое всего и осталось. Так вот... В июне прошлого года посадили нас в вагоны и...

— Эй, Вилли Швайнер! Вас зовет господин обер-лейтенант. Срочно!

Вилли прервал свой рассказ и понесся в блиндаж обер-лейтенанта.

2

— Да,— сказал Рудольф Вайнер,— вы еще, ребята, настоящего пороха и не нюхали. О!

— М-м! — скрепил Генрих Айнер.

— Не мешай,— попросил его Рудольф Вайнер.— Так вот... Слушайте внимательно. Вам

это будет полезно. Я вам расскажу историю нашей части. Всего-то нас в батальоне из старых солдат осталось двое: я и Генрих Айнер. Все остальные списаны в расход: кто убит, кто ранен, кто замерз, кто с ума сошел, кто в плен попал. Нас двое всего и осталось. Вчера еще было трое. Но Вилли Швайнер пошел вчера в разведку и не вернулся. Так вот... В июне прошлого года посадили нас в вагоны и сказали нам, что мы...

— Эй, Рудольф Вайнер! Вас зовет господин обер-лейтенант. Срочно!

Рудольф прервал свой рассказ и понесся в блиндаж обер-лейтенанта.

3

— Да,— сказал Генрих Айнер,— вы еще, ребята, настоящего пороха и не нюхали. М-м!.. Так вот... Слушайте внимательно. Вам это будет полезно. Я вам расскажу историю нашей части. Всего-то нас в батальоне из старых солдат осталось только я один. Все остальные списаны в расход: кто убит, кто ранен, кто замерз, кто с ума сошел, кто в плен попал. Я один и остался. Вчера еще было нас двое. Но Рудольфа Вайнера вызвал к себе господин обер-лейтенант. А по дороге пуля русского снайпера подцепила Рудольфа. Так вот... В июне прошлого года посадили нас в вагоны и сказали нам, что мы скоро вернемся...

— У-у-у!

Защипело. Засвистело. Загудело.

Генрих прервал свой рассказ. Одна нога его понеслась вправо, другая—влево.

Когда переполох улегся, молодой подполковник солдатик в очках обиженно сказал:

— Из-за этой проклятой мины нам так и не удалось дослушать историю нашей части...

Г. РЫКЛИН

Письмо старшему брату

Мы письмо тебе писали
В адрес почты полевой,
Мы письмо тебе писали,
Вдруг пришел товарищ твой.

На петлицах по две шпалы,
Две медали у него
Он сказал мне:
— Здравствуй, малый!
Я от брата твоего.

— Жив ли он? —
Спросила мама,—
Жив ли он?
Скажите прямо...

Я моргал ему глазами,
Делал знаки, как умел:
«Говорить не надо маме:
Мама белая, как мел!»

Он сказал:

— Даю вам слово,
Ваш Андрей совсем здоров,
Он уж ходит по палате
С разрешенья докторов.

Ты, Андрюша, сильно ранен,
Но опять стремишься в бой,
Ты воюешь с докторами...
Так сказал товарищ твой.

Дорогой мой брат Андрей,
Поправляйся поскорей,
Выздоровлявай, Андрюша,
И опять фашистов бай!

Дорогой мой брат Андрюша,
А у нас совсем тепло,
Я собрал цветного лома,
Сто четырнадцать кило.

Дорогой мой брат Андрюша,
От ребят тебе привез,
Написал бы я побольше,
Только места больше нет.

А. БАРТО

Чем это кончится

РУКОВОДИТЕЛЬ гестапо Гиммлер кончал свой доклад у «фюрера». Когда оба почтенных деятеля точно спланировали, кого, в какой части Европы вешать, кого расстреливать, а кому рубить голову, Гитлер спросил:

— Ну, а в Германии у нас недовольных много?

— Ох много, мейн фюрер!..

— Что ж это такое?.. Хватаем, хватаем — и все еще много!

— Уж не знаю, почему, — а много.

— Ну, а я знаю, почему.

— Удостоите, объясните, мейн фюрер!

— Сейчас и объясню. Все потому, что вы не тех хватаете, кого надо.

— А как же?.. Мы уж теперь хватаем не только тех, которые выражают недовольство, а и тех, которые похожи на тех, которые выражают недовольство, и даже тех, которые похожи на тех, которые..

— Тех, тех, тех... Загадил, как попугай! Хватать надо тех, которые плохо наказывают тех, которые выражают тех... То есть, тьфу, которые выражают недовольство. Понял?

— То есть судей надо хватать, мейн фюрер?

— Их! Наконец уразумел.

***

— Прошел месяц. Опять Гитлер и Гиммлер распределяли смертные казни. Опять Гитлер спросил:

— Ну как, недовольных поубавилось?

— Не сказал бы, мейн фюрер...

— Вот те на!.. А судей вы похватали или нет?

— О, на этот счет будьте спокойны! У нас тюрьма № 18-бис так и называется: «Дворец правосудия». В каждой камере хоть сейчас судебное заседание открывай...

— И все ж таки недовольство... Значит, плохо работаете...

— Как же еще?

— Надо хватать тех, которые плохо наказывают судей, которые плохо наказывали тех, которые...

— Понимаю, мейн фюрер!..

***

Еще месяц. Еще одна встреча Гитлера и Гиммлера.

— Ну? — спрашивает Гитлер.

— Есть, мейн фюрер, — вздыхает руководитель гестапо, — есть недовольные.

— Значит, хватаете тех...

— Которые плохо наказали тех, которые

плохо наказали тех, которые плохо наказали тех, которые выражали недовольство?

— Видишь: сам знаешь, что надо, а не хватаешь...

— Осмелось доложить, мейн фюрер: как же мне их хватать, когда эти-то — мои ближайшие сотрудники?..

— Мало ли что! Сегодня же ночью схватить!

***

Еще встреча.

— Ну?

— Есть, мейн фюрер, недовольные... Ну что я могу сделать? Есть!

— Значит?..

— Надо хватать...

— Кого? Ну? Ну говори же, Гиммлер: кого надо хватать?

— Нас с вами, мейн фюрер: больше никого не осталось...

***

Между прочим: совершенно неожиданно мы принуждены согласиться с Гиммлером.

Если схватить его и Гитлера да прихватить остальных бандитов из фашистского руководства, то причины недовольства у германского народа опадут.

В. АРДОВ

ЗАВИСТЬ

Рис. А. Каневского

— Повезло Гансу в последней психической атаке: выпил, закусил и... сдался в плен.

Девушка

Рис. Н. Радлова

ЗАГОВОРИЛИ о девушках, о любимых и о тех, которых еще не успели полюбить, но все равно милых и дорогих сердцу. И только гвардии сержант Воронков, который сегодня вернулся из госпиталя, сказал:

— Нет, стреляного воробья на мякине не проведешь! Вы мне сначала покажите вашу девушку, я тогда — да! Тогда, может быть, позволю я своему гвардейскому сердцу шибче забиться. Но не раньше.

Все удивились, потому что гвардии сержант был всегда первый девчачий защитник и кавалер. И все подумали: стало быть, какая-нибудь его в госпитале разобидела. И попросили рассказать.

— Расскажу, — согласился гвардии сержант. — Расскажу, какие в жизни бывают наемки.

Попал я в госпиталь, как вам известно, в четвертый раз. И, как вы тоже знаете, в те три раза у меня с врачами получалась сплошная словесная артиллерийская стрельба. То есть, конечно, стрелял я один, а они отсиживались в дзотах своей медицинской неприступности. И ничем, понимаете, их оттуда не выколупаешь! «Спокойно, спокойно, когда надо, тогда и выпишем...» А мне, может быть, давно надо! Я лежу здоровый, как бугай, с паршивой царапиной, а война без меня продолжается. Но медицинскому персоналу это ни к чему. Короче говоря, мы для них герои, когда на ногах, а как попал на койку в горизонтальное положение, так тебя каждая сестренка ростом с котенка беспомощным младенцем считает и воспитывает: «Лежите спокойно! Не разговаривайте! Пейте чай!»

— А приятно — сказал кто-то. — Откроешь глаза, а рядом на табуретке сидит маленькая, серьезная и смерть от тебя отгоняет...

— Ну, я как раз попал к сестре с колокольню Ивана Великого, — сказал гвардии сержант. — Подхватила она меня, раздела, разула

Рис. К. Елисеева

— Посмотри, Фриц наши молодые летчики горят желанием поехать.

— Но зачем они горят вместе с самолетами!

и сунула в постель. И я все тихо терплю, потому что с женщинами я не сражаюсь. Спрашиваю: «Кто у вас главный врач?» Потому что думаю, если который-нибудь из моих медицинских неприятелей, продержит меня, как литье дать, недели две. Сестра говорит: «Врач у нас кто? Девушка — у нас главный врач».

Ну, думаю, девушка войдет в мое гвардейское положение, что не могу я долго на койке валяться, и починит в три дня. А сестра предупреждает:

«Если вы насчет того, чтобы с выпиской нам голову морочить, то имейте в виду, врач строгий и знаменитый к тому же». Я же про себя решил: ладно, буду лежать, как шолковый, раз девушка госпиталем руководит, потому что сроду я девушек ничем не обижал.

И вот лежу я, братцы мои, и как-то размяк даже. Думаю: войдет сейчас строгая, сероглазая. Ведь какой, думаю себе, молодец! Небось, года двадцать два или три, не старше, а уже главный врач и знаменитость. Что за девушки у нас за хорошие! Размечтался и слышу шаг. Она! Но входит, представьте себе, этакий старикашка, на медведя похож, если медведя в белый халат обрядить. Вся личность толстым волосом заросла и ноги внутрь ставит. Думаю: стало быть, не ее обход, подожду еще. А мой медведь повозился надо мной, поворчал — и во-сво-яси. И на другой день он же припожаловал и на третий. А я все девушку жду и лежу смиренно. И думаю: придет она, похвалит и сейчас же выпишет. Спросить же про нее совещусь.

Прошла так-то неделя. Наконец, я моему медведю мягко говорю:

«Пора, дескать, и честь знать. Какого чорта! Когда меня выпишите?» А говорю я так мягко потому, что думаю, он девушке нажалуется и она на меня в обиду будет. Медведь ворчит: «Нам лучше знать, выписывать вас или нет». Ну тогда уж я не стерпел: «Кто — говорю, — раненый: вы или я? Довольно меня тут отлеживать под мармор! Не на выставку! Позовите мне немедленно главного врача!» А медведь говорит:

«Вот он: я главный врач». «Позвольте, — говорю, — у вас же главный врач — девушка!» А медведь опять говорит:

«Вот она: я Девушка. Петр Петрович Девушка. Давайте познакомимся», — и предлагает мне свою волосатую лапу. Взял я лапу, а сам говорю:

«Чорт-те что, доктор! Ведь надо же в конце концов предупреждать! Я думал, настоящая девушка, терпел, сдерживался, лежал как бревно, время проводил! А вы не распраивайтесь и не сомневайтесь, — говорит мой медведь. — То, что я Девушка, я вам документально могу доказать. А то, что вы там себе воображали, так это бред и высокая температура. Что же касается выписки, — пролежали неделю, еще вам три дня осталось, — и, дукоца, говорит сестре: — Ты, Маруся, и другому такому, — говорит, — орлу скажи: Девушка, мол, — врач и большой строгости человек. Оно и без обмана и раненые, как святые, лежат: боятся, девушку огорчить».

Такой хитрый медведь! Расстались мы с Петром Петровичем Девушкой большими приятелями. На прощанье я ему посоветовал фамилию переменить. А он говорит:

«Не буду. Фамилия чудесная. Так Девушкой и помру».

А рассказал я вам это для того, — закончил гвардии сержант, — чтобы вы помнили: девушка — девушке рознь. И когда вместо девушки медведь встретится, хотя бы и знаменитый, все равно считайте, что это наемка судьбы, и, глядите, не попадитесь.

В. КАРБОВСКАЯ

«Дорогая Эльза! Посылаю тебе кое-что из Варшавы. Через месяц, другой пришлю добротный материал из Лондона...»

«Привет из Белграда! Покамест посылаю эти безделушки. Наднях вышло обещанный добротный материал из Лондона...»

Ваня и

Унтер Фриц заверил Грегу:
— Мы захватим всю планету,
Фюрер нам порукой в том,
Здесь — Иван, подальше — Том!
Наши танки их сметут:
Ване первому — капут,
А потом — и
Томми!

Крикнул Ваня в русском стане:
— Мы стальной стеною станем,
Отстоим родимый край!
Бравый Томми отчеканил:
— Ол рай!

В прозный бой идут колонны.
Ваня, в схватках закаленный,
Блицграбителей мает,
Косит снизу и с высот...
Издали слышен гром —
Фрицы в Руре кувырком.
Страшен в громе

Перевоспитанный Геббельс

НА АЭРОДРОМЕ ждали возвращения летчика Усова, который полетел в немецкий тыл, к партизанам. В точно назначенное время самолет Усова приземлился на аэродроме. Стратортовач начальству о выполнении задания, Усов подошел к летчикам и сказал:

— Дети, ведите себя хорошо. Я привез вам подарок от партизан...

Потом он слезил в самолет и вытащил откуда мешок, в котором барахтались кто-то живой. В землянке летчики обступили Усова, и он развязал мешок. На свет божий вылез огромный породистый бульдог. Собака была наречность противная: обрубленный нос, висящие, как баки, мешки у челюстей, пулые слезящиеся глаза и масть непонятная, будто фиолетовая. Пес в полете, видимо, изрядно промерз и дрожал, как осиновый лист.

Усов рассказал: партизаны разгромили штаб немецкого полка, и в хате, в которой жил гитлеровский майор, обнаружили этого бульдога. Так на аэродроме появился новый обитатель, оказавшийся очень привередливым и неспокойным. Пес оказался отъявленным неврастеником: он совершенно не переносил, когда на аэродроме пудели моторы, и начинал хрипло лаять и надрывно выть. А так как на аэродроме самолеты пудели почти круглые сутки, то летчики имели возможность и днем и ночью наслаждаться бульдожьим воем. Усов прохода не давали:

— Бери этого солиста к себе в землянку и учись у него пению. Нечего весь полк мучить! Как-то в минуты отдыха летчики решили устроить крещение бульдога — дать ему кличку. Остановились на кличке «Геббельс».

Однажды истребитель Костылев сбил «Юнкерса», который вел гитлеровский бандит с двумя железными крестами. Летчики забрали кресты и решили наградить ими своего Геббельса. Более уморительной картины нельзя себе представить, чем вид безобразного пса с гитлеровскими орденами на широкой бульдожьей груди.

Летчики, проходя мимо, говорили:

— Какая ненасытная лавра, этот Геббельс! И награду получил, а все воет...

Бульдожий вой порядком надоел всем летчикам, и стали уже поговаривать об изгнании Геббельса с аэродрома. Многие требовали у Усова, что бы он съез пса обратно к немцам и сбросил на парашюте с запиской: «Примите подарок. Кличка — Геббельс. Нам надоел своей брехней...»

Но тут вмешался аэродромный повар: он взял на себя обязательство перевоспитать Геббельса и сделать из него нормального, дисциплинированного пса.

И повар приступил к своей педагогической работе. Всех юных и пожилых натуралистов, всех членов обществ по охране животных я прошу простить повара те методы воспитания, которые он применил к Геббельсу. Собственно, метод был один и очень простой... Как только Геббельс начинал выть на самолеты, откуда ни возьмись появлялся повар с хворостинной и принимался лупить Геббельса. Сперва это не действовало: Геббельс убежал на самый край аэродрома и, забравшись в кусты, выл оттуда еще громче и противней. Но повар был неугомоним. И, можете себе представить, он перевоспитал Геббельса. Пес — дурак-дурак, а понял простую механику: когда он воет, его бьют, а когда молчит, его не бьют. И Геббельс перестал выть.

Вскоре Геббельс стал вполне исправной собакой, к которой никто уже не имел никаких претензий. Когда начинали пудеть самолеты, обнаглевший пес принимался демонстративно бегать около летчиков, показывая, что вот он какой смелый.

Аэродромный Геббельс с двумя крестами на груди стал популярнейшей фигурой. Недавно на аэродроме были кинооператоры «Союзкинохроника». Да, да, Геббельса снимали для юмористической странички киножурнала. Это будет первый правдивый фильм с участием Геббельса...

Метким ударом

(По столбцам фронтовой печати)

НЕ ПИШЕТ, А ДИКТУЕТ

ГРЕТТА (обращаясь к подруге):— Чего нового тебе Ганс пишет?

ФРИДА:— Пишет, что очень доволен: обеих рук лишился,—вернее не пишет, а диктует...

(«Большевик-чекист»)

ХРАБРЫЙ ВОЯКА

— Господин обер-лейтенант, вам приходится обращаться в бегство красноармейцев?

— О, еще бы! Вчера, например, они бежали за нами 60 километров.

(«На разгром врага»)

ВЕСНА У ЛЕТЧИКОВ

— Сегодня воздух замечательный!

— Еще бы: сбили семь «мессершмиттов» и два «юнкерса»!

(«На страже родины»)

ЗАВИСТНИК

— Этому Фрицу Шлейру чертовски повезло!

— Почему?

— Отправляют домой, а лишился всего-навсего двух ног.

(«На разгром врага»)

ЖИТЕЙСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ЕЗДОВОГО ИВАНА НЕДАЙБОГА

1. Немец пьян, вот и буян; лезет в драку — в контратаку; он пьет, а мы его бьем; во хмелю ему сладко, по хмелю гадко.

2. Обокрал немец финна, венгерец — румына, румын — испанца, а тот — итальянца. А Гитлер хвастает: «Я ли не молодец? У меня ли дети не воры?»

(«На разгром врага»)

ХИТРЫЙ ШОФЕР

Однажды Гитлер и Геринг ехали в авто через деревню. Шофер неожиданно затормозил: переехал собаку. Гитлер раздражен, так как может возникнуть недоразумение с владельцем собаки. Шоферу поручается передать печальное известие хозяину. Через некоторое время шофер возвратился, неся в руках много подарков.

— Откуда это? — с удивлением спросил Гитлер.

— Я сказал владельцу: «Я от Гитлера. Собака подохла». Он страшно обрадовался и подарил мне все эти вещи.

(«На страже родины»)

ГОВОРЯТ...

...что один берлинский сапожник по рассеянности съел за завтраком подошву, а пришел к сапогам котлету.

Рассеянный сапожник так и не заметил своей ошибки, поскольку и подошва и котлета были сделаны из одного и того же эрзаца.

* * *

...что генерал фон Бок дрожит, как лист, с тех пор, как генерал фон Лист получил удар в бок.

(«Красноармейский удар»)

Рис. Л. Бродаты

— Впервые фон Шмидт не промахнулся.
— Русского!
— Нет, немецкого. самого себя.

«Дорогая Эльза! Эти вещи я организовал в Париже. Скоро пришло добротный материал из Лондона...»

И, наконец, добротный материал из Лондона прибыл.

Томми

Томми!

— Молодец! — одобрил Ваня. —

Ты и впредь фашистской дряни

Выдавай плевки в рай!

Бравый Томми отчеканил:

— Ол рай!

Заведает Фрица злоба:

Заня с Томми крепнут оба.

Тесной дружбой боевой

Сорван план орды чумной.

Бить коричневых зверей

Вместе будет веселей,

Фрицев сломим,

Томми!

Крикнул Ваня в русском стане:

— Ну-ка, Томми, дружно грянем,

Крепче, Томми, напирай!

Бравый Томми отчеканил:

— Ол рай!

В. ГРАНОВ

В. АРДАМАТСКИЙ.

Швейк в дни покушения на Гейдриха

— Гейдриха-то нашего убили, — сказала Швейку его служанка.

Швейк, попрежнему промышляя продажей унылых, непородистых собак, присочинял им теперь арийские родословные.

— Какого Гейдриха, пани Мюллер? — заинтересовался Швейк. — Я знаю двух Гейдрихов: один мясник у фирмы Липперт в Праге, что обслуживает теперь только немецких чиновников, потому у него и мяса в лавке вдоволь. А еще я знаю Фердинанда Гейдриха, того, что раньше собирал собачье дерьмо, а теперь организует резолюции о преданности чехов Германии для газеты «Последний лист». Обаих ни чуточки не ожалко.

— Нет, сударь, протектора Гейдриха, того, что жил в Чернинском дворце, того сухопарого, свирепого...

— Господи боже! — воскричал Швейк. — Вот те яа! А где это с паном протектором случилось?

— Укокошили его около Праги, на шоссе. Из автоматов. Ехал он там в автомобиле...

— Так вот оно как, пани Мюллер, в автомобиле... Конечно, такой барин может позволить себе кататься в автомобиле. А намерное, и не подумал, что эта поездочка так плохо кончится... Так вот какие дела, пани Мюллер! Протектор, значит, того-с... Долго мучился?

— На четвертый день был готов, сударь. Известно: с автоматом шутки плохи. Говорят, там было много участников.

— Это само собой разумеется, пани Мюллер, — подтвердил Швейк. — (Больше голов — больше шумов. Один станет там, другой подале — и протектора нет как нет. Главное — не прозевать, когда он поедет мимо. Теперь уж, поверьте, ни один протектор не по-

В одной из последних передач чешского радио из Лондона был прочтен сатирический эпизод, написанный чешским писателем Иржи Ванеком, находящимся в эмиграции. Эпизод был застенографирован нашим переводчиком и печатается здесь в русском переводе.

едет в автомобиле. Этакая участь ожидает еще многих. Вот увидите, пани Мюллер, они доберутся и до пана Гиммлера, а то еще и до самого фюрера. Недавно рассказывал в трактире один господин: «Недолог час: все эти протекторы и фюреры загремят ко всем чертям! Уж тогда мы с ними сочтемся». Потом его увезли в гестапо... Да, пани Мюллер, дела творятся в наше время! Ну, я пошел в трактир «У наших».

В трактире «У наших» сидел всего один посетитель. Это был агент гестапо Бретшнейдер. Трактирщик Паливец мыл посуду, и Бретшнейдер тщетно пытался завязать с ним серьезный разговор.

— Ну и наделали нам делов на Пражском шоссе! — со слабой надеждой промолвил Бретшнейдер.

— На шоссе-то? — спросил Паливец. — Там каждый день мордобой.

— Застрелили там его превосходительство герра Гейдриха, пан трактирщик.

— Я в такие дела не вмешиваюсь, — ответил Паливец, закуривая трубку. — Нынче вмешаться в такие дела, — того и гляди, сломишь себе шею. Я трактирщик. Кто ко мне приходит, требует пива, я тому и наливаю... Если, разумеется, гость — не еврей и пивная карточка у него не использована, — добавил Паливец торопливо. — У меня все по правилам, господин агент.

Бретшнейдер умолк и разочарованно оглядывал трактир.

Здесь прежде висел портрет фюрера, — минутой спустя сказал он. — Как раз на том месте, где сейчас висит зеркало.

— Да, правду изволите говорить, — ответил Паливец. — Висел. Да только загадили его мухи, я его и убрал на чердак.

В этот момент в трактир вошел Швейк и потребовал пива, заметив: — Дай черного: в Праге сегодня праур.

Глаза Бретшнейдера загорелись надеждой, и он торопливо сказал: — На всех домах — траурные флаги.

— И напрасно, — сказал Швейк, отпивая из кружки. — Их нужно было вывесить только на половине домов.

— Как это так? — изумился Бретшнейдер.

— А представьте, что на этих днях убьют еще кого-нибудь из высоких особ. На его долю, значит, ничего не останется. Нет, расчетливость и предусмотрительность никогда не вредят. Запас беды не чинит.

— Но сознайтесь, что это большая утрата для Чехии.

— Конечно, утрата, спору нет. Утрата тяжелая. Ведь пан протектор несмотря на костлявое телосложение весил, говорят, под восемьдесят кило.

— Что вы этим хотите сказать? — оживился Бретшнейдер.

— Что хочу сказать? — охотно ответил Швейк. — Что если бы протектор был поплотнее, то и утрата была бы соответственно тяжелее. Вы себе представьте, что было бы, если бы ухлопали пана Геринга!

— Странный какой-то у вас подход, — многозначительно указал Бретшнейдер. — Утрату меряете на килограммы.

— Все нет, — стал оправдываться Швейк. — Какие же теперь килограммы, когда все выдают на граммы! Скажем, хлеба сто девяносто граммов в день. Точность — прекрасная вещь! Вот, например, фюрер сказал, что 1941 год будет годом окончательной победы германской армии. А лондонское радио в нынешней новогодней передаче насмеялось над ним за это и наговорило много безобразных вещей о гениальном фюрере.

Бретшнейдер торжественно произнес: — Вы все сказали? Выйдете со мной в сени на пару слов.

Швейк вышел за гестаповцем в сени, где его ждал небольшой сюрприз: разговорчивый собеседник показал ему значок со свастикой и заявил, что Швейк арестован и должен немедленно отправиться в гестапо.

Потом оба вернулись в трактир и Швейк сказал Паливцу: — Я выпил пять кружек пива и съел пару сурогатных сосисек. Дайте-ка мне еще стакан ячменного кофе с солодовым молоком, и я пошел. Мне пора, так как я арестован.

Бретшнейдер показал Паливцу свою свастику, с минутой глядел на трактирщика и потом спросил: — Вы женаты?

— Да.

— А случилось вашей жене вести дела в вашем отсутствии?

— Случалось.

— Тогда все в порядке, пан трактирщик, — весело сказал Бретшнейдер. — Значит, вы арестованы вместе с женой. Вечером мы за вами приедем.

— Не тревожьтесь попустому, — утешал Паливца Швейк. — Я арестован всего только за убийство пана протектора.

— Но я-то за что? — заныл Паливец.

Бретшнейдер усмехнулся: — За то, что вы указали, что нашего гениального фюрера загадили мухи.

Швейк покинул трактир в сопровождении гестаповца. Когда они входили в ворота гестапо, он заметил: — Славно время прозели! Вы часто бываете в трактире «У наших»?

Перевод Юр. АКСЕЛЯ

ПЕРЕД КРАХОМ (В Чехословакии)

Рис. Б. Клинка

— Мы накануне банкротства!

— А что случилось?

— Сегодня в нашей страховой конторе застраховал свою жизнь новый протектор Далюге.

— Беда, господин обер-лейтенант, одна тревога кончилась, другая началась!

Рассказы майора Августа Плюхе

№ 1. О СМЕЛОСТИ И НАХОДЧИВОСТИ

Смелость, находчивость и я бы это сформулировал так: беззаветная преданность нашему фюреру — сегодня велики, как никогда, и достойны всеобщего удивления.

Я хочу вам рассказать сегодня о необычайном, но вполне обычном для немцев факте, который, я вам даю честное слово, а вы мое слово знаете, ей богу, имел место на Восточном фронте.

После того как мы заняли Москву, то есть я хотел сказать, после того, как мы заняли Можайск, то есть я хотел сказать, после того, как мы... в общем, после того, как мы слегка отошли на 300 километров от Москвы, наш обер-лейтенант Рихард Пичке пошел в кусты с прекрасной целью почитать последние выступления фюрера на страницах нашей любимой газеты «Фелькшшер беобахтер». В кустах он столкнулся с отрядом советских партизан. Их было больше двух человек. В руках у них было новое страшное оружие: вилы-полуавтомат. Обер-лейтенант Рихард Пичке обратился с призывом к фюреру. «Фюрер Адольф, помоги мне!» — сказал он шопотом и один, без чьей-либо помощи, бросился враспынную.

Другой случай. Четверо наших солдат: Эрвин Пульке, Михель Фратнер, Александр Шульц и Карл Боймер — пошли в разведку и столкнулись с превосходящими силами противника: трое партизан шли навстречу храбрым немецким солдатам. Четверо немцев не растерялись: они бросили свое оружие, а сами прибежали ко мне в штаб и сообщили о появлении противника, дав мне возможность вовремя уйти из населенного пункта.

№ 2. О ВСТРЕЧЕ СО ЗВЕНОМ СОВЕТСКИХ ИСТРЕБИТЕЛЕЙ

Смелость, находчивость и я бы это сформулировал так: беззаветная преданность нашему фюреру — сегодня велики, как никогда, достойны всеобщего удивления.

Я до сих пор дрожу от волнения и, я даже сказал бы, икаю при одном воспоминании об этой операции. Но не буду скромничать: приятно вспомнить об этом. Больше того, господа: я горжусь этим воспоминанием!

Нас было два звена. Шесть «Ю-88». Летим. Погода восхитительная. Настроение сног-

шибательное. Перед вылетом мы грочли две последних статьи Геббельса и, следовательно, были немножечко навзводе. Со мною летели капитан Хух и лейтенант Франц Кепке. На остальных машинах летели капрал фон Эх, сержант Назэ и другие. С нами — солидный груз бомб. Ну, думаем, будет дело! И действительно: из облаков появляются три русских истребителя. Вопрос ясен: или-или. Все три истребителя идут на нас. Тогда я принимаю героическое решение — немедленно уйти назад. В своих решениях я никогда не отступаю. Раз решил отступить, — значит, уж отступлю. Сказано — сделано. Разворачиваемся все шестером и ложимся на обратный путь. И тут большевистский пулемет бьет по самолету фон Эха, и самолет падает брюхом наземь, взрываясь на собственных бомбах. («Бомбы превосходного качества!» — отметил я.) Что же касается меня и четырех остальных машин, мы спрятались за тучи и все быстро вернулись на свою базу.

Я, Хух и Кепке награждены за эту операцию железными крестами первого класса.

Сверил Вл. ПОЛЯКОВ

Действующая армия.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-33-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 539

Подп. к печати 2/VII 1942 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 50925

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 1758.

Тираж 200 000 экз.

СРЕДИ ДИКАРЕЙ

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯР

13 ИЮЛ 1942

Некоторые руководящие деятели Германии принимают меры, чтобы укрыться в нейтральных странах в случае крушения фашистской власти.

Рис Л. Бродаты

Получ.	13/ИЮ
в ред.	14/ИЮ

— Уведите женщин и детей! К нам могут приехать людоеды!